СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

НОВОСЕЛЬЕ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Разговор с памятью. Первая книга стихов
Солнечный произвол. Вторая книга стихов.
Полдень. Третья книга стихов.
Берега. Четвертая книга стихов.
Встреча. Пятая книга стихов.
Весна в Париже. Шестая книга стихов.
Мое детство. Роман хроника.

София Прегель

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

СЕДЬМАЯ КНИГА СТИХОВ

НОВОСЕЛЬЕ

Париж
1973

Софья Юльевна Прегель скончалась в Париже 26 июля 1972 года.

В оставшихся после нее бумагах была найдена рукопись седьмой книги стихов, подготовлявшихся ею к печати.

Настоящее издание воспроизводит их без всяких изменений. Оно осуществлено под руководством М. Л. Слонима.

ЛУНА

Настанет ночь моя. Ночь долгая, немая.
Тогда велит Господь, творящий чудеса
Светилу новому взойти на небеса.

— Сияй, сияй, луна, все выше поднимая
Свой солнцем данный лик. Да будет миру весть,
Что день мой догорел, но след мой в мире — есть.

НА КЛАДБИЩЕ

Весенний ветер не бродит
Среди дорожек густых,
И стынут, стынут в безводье
Фарфоровые цветы.

Внезапно солнце прорвется
И уйдет во мглу, торопясь,
И на камне опять зажжется
Золотая надписи вязь,

Освещая мою дорогу,
Что уже подходит к концу...
Но молить не умею Бога,
Я молюсь моему отцу.

Я прошу его: — Будь защитой,
Ты, что детство мое оградил...
И молчат истертые плиты
Навсегда плющом перевитых
Потаенных, старых могил.

Тревожное, всегда в огнях,
Неумолимо голубое,
Свети, одаривай меня
Воздушным кружевом прибоя.

Кренит просмоленный баркас,
Сомкнулись струи в круг победный,
А солнца старый компас медный
Вдруг просиял и вновь погас.

И мертвой мидии душа
Земные створки покидает
И вот по-прежнему в ушах
Шумит-бурлит волна седая.

О, как полет ее высок,
Как ей в попутном ветре вторит —
На этом пенистом просторе —
Непросыхающий песок,
Неумолкающее море!

ОСЕНЬ

Ты кладбищенская аллея,
Бледный холм на том берегу.
Проклинать тебя не умею,
А любить давно не могу.

Эта злость похожа на жалость.
Эта малость не та же ль злость?
Я не знаю, что-то сломалось
И со звоном оборвалось.

И растет встревоженно-острый
Тонкий звук из сонной выси
На просторах осени пестрой...
А березы — сводные сестры
Позабытых русских осин!

Волны, волны в дикой непогоде,
На песке неровные следы...
Я рисую шаткий пароходик
На вершине бешеной воды.

Буря бьет и палубу калечит,
Черной медью лестницы звенят,
И с судьбой играет в чет и нечет
На просторе северного дня.

Стонут чайки, те, что опоздали
И прибой, крикливые, глушат...
И над всем — по сонной магистрали —
Вьется дым таинственной спиралью,
Детским росчерком карандаша.

Мир един и спасенья ради
Я с собой в разлуку возьму
Черновик — две старых тетради —
И скитальческую суму,

За окном висящую клетку,
В ней смешная птица жила,
И кровать с разорванной сеткой,
И сердитый угол стола.

Аккуратно — стопками — сложены
Книги милые, так повелось.
От глухих переплетов кожаных
Заструилось живое тепло...

Ничего судьба не упустит
И останутся жить во мне:
Эта память о светлой грусти,
Пропыленное захолустье,
Незаконченный сон во сне.

И звучанье и тишину
Надвигающегося лета,
Я давно потеряла это —
У меня украли луну

И восход, высокий и пылкий,
И небесные огоньки...
Стали звезды в старой копилке
Словно стертые пятаки.

И волна в пути поседела,
Я сама не та, что была:
Разлюбила, перегорела,
Отгитарила, уплыла.

Стрелою пена всходит на корму,
Летит корабль и нет ему возврата
В страну осиротелого заката,
В мой белый город в ласковом дыму.

О, бывших гроз неповторимый гром
И ты, полуразрушенная арка,
О, странный год, когда деревья в парке
Стонали под зловещим топором!

Уже воспоминания не лгут,
В них все теперь несокрушимо просто —
Был вой собак и лошадиный остов
На кровью опоганенном снегу.

Узнаешь в небе запетом
Луны багровый лопух,
И снова будут поэты
Топтать все ту же тропу.

Смирись, пусть сердце не ропщет,
За тех не смея болеть,
Что идут с тобой по всеобщей,
Навсегда примятой земле.

И не знаю, детство ли снится мне
В час, когда уходить пора?
И чего я жду до утра
Вместе с братьями бледнолицыми?

Захлестнуло небо зарницами
И не знаю, детство ли снится мне
У задымленного костра?

Не в небесном ли вертограде я,
Где жасмина звезды горят?
Не со мной ли волны Аркадии
До глухой зари говорят?

И живет оно, не кончается
И нельзя забыть, как мечту,
Что арбузы мерно качаются
На барже в Одесском порту.

Это детство завороженное
В безмятежно солнечных днях...
Подышала в стекло оконное:
Вот Херсонская, вот и Конная,
Дерибасовская в огнях.

Я выхожу из игры. Надоело
Подниматься и таять, как дым.
Быть и кормою и парусом белым
И неустанным шумом воды.

Волны сомкнулись. Спряталась рана
И бередить ее ты не смей.
Снова над морем чайки-бипланы
И в облаках ныряющий змей.

Да, я знаю, так было положено,
Чтоб со мною уйти могли:
Флаг, чужими ветрами умноженный,
Дети, собаки, будка с мороженым,
Тихий порт, где спят корабли.

В стране коралловых рифов,
Где белых слонов парад,
Ковбои, куклы, шерифы
В забытом ящике спят.

Детство, детство беспечное,
Лечу по его следам
В книги библиотечные,
Истертые по краям.

Но бумага вдруг рассыпается,
Злая полночь, крики совы:
Все течет, проходит, кончается...
И на стенке — один — качается
Всадник без головы.

Когда и где ее видела,
Девочку с синим ведерком.
Она хрустящие мидии
Бросала в звонкую жесть.
Солнце смотрело зорко,
Сердилось и ненавидело,
И волны — их всех не счесть.

Рожденные буйным шквалом,
Они утихали, пленные,
Там, где морской привал.
И пеною обдавало,
Светлой и незабвенною,
Тени нависших скал.

А девочка шла, кудрявая,
Из чудесного далека,
Из чужого мира забавы,
Собирая жесткие травы
В золотых веснушках песка.

ОСТЕНДЕ

Июньский, горячий, клейкий,
Кружащие мотыльки,
Под липами, на скамейке,
Румяные старики.

Они сидят здесь от века,
С улыбкой в складках лица...
Любимцы библиотеки,
Прочитанной до конца.

И шагает в лунном пожаре,
Под веселый звон ветерка,
Родной, дорожный товарищ
Из туманного далека.

Пускай кареты, надменно
Покачиваясь, стучат,
Шипит и гнется свеча...
Я снова детство нетленное
Перелистываю по ночам!

ПРО ДЕЛЬФИНА

Лампы кружились над головой,
Трубы играли вальс цирковой,
И этому был особенно рад
Дельфин по прозванью Синдбад.

Но вдруг открылась ему глубина,
Он поднял кого-то с мертвого дна
И умчал на берег, где в валунах
Растекалась пеной волна.

И там были обручи, провода,
Под мячом колыхалась вода,
И дети у самых светлых ворот
Стояли, разинувши рот,
А матрос с португальского корабля
Хохотал — и стонала земля.

Расширялись смеха его круги,
Отбивали такт его сапоги...
И этому был особенно рад
Мореплаватель гордый, Синдбад.

Гитара неуверенно
Бормочет и грустит:
Заброшено, затеряно,
Забыто на пути.

Случайно, незаучено
В зловещей тишине
Поет, что все уключины
Давно лежат на дне.

Что все навеки сгинуло,
Исчезло без следа,
И вновь идут ягиные
Недобрые года!

Мне все известно заранее,
Ничем теперь не смутишь,
И только в воспоминаниях
Покой и райская тишь:

Ласковые бубенчики,
Сахарные пути,
Неподвижные венчики
Старомодных куртин.

Вся дорога такая,
Любой ее поворот...
Акация окликает,
Чуть слышно в детство зовет.

И вот цветы на подпорках,
Закат, пролеты аллей,
Глаза луны дальнозоркой...

И сжимается сердце горькое
Сладчайшей из всех болей.

ПАМЯТИ Н. Н. ЕВРЕИНОВА

Преображенье — дерзкое чудо,
Буря, натиск, девятый вал.
Это театр — везде и всюду
Жизнь побеждающий карнавал.

Там дрожат кисейные своды,
Будто сон гирлянды легки,
Там прекрасны даже уроды,
Вечно молоды старики.

Но осыпались звездные блестки,
И луны сверкнуло кольцо,
И взбежала ночь на подмостки
В тихом шелесте бубенцов.

А в притоне играют в кости,
Платят золотом, кровь не в счет...
Входит вдруг Последняя Гостья
И рукав кладет на плечо.

Шлейф в туманах стелется длинно,
Взор безглазый чист и суров.
Но не страшись дороги пустынной:
Ты Арлекин и умрешь Арлекином,
В самом обманном из всех миров...

Сошлись концы и начала
И скоро срок истечет...
А сколько мне обещала
Стремительно-горячо!

И было легко улыбаться ей
В восторженной тишине,
Когда трепетала акация
На темно-синей стене,

И снова каплями длинными,
Дождем небывшей мечты,
Слетались к ней паутинные
Иссушенные цветы.

Она обещала мне полдни
И звездные вечера...
И ушла, ничего не исполнив,
В кошачий пролет двора.

ОКРАИНА

Туманом ослепленные осины,
Подкрашенная охрою вода,
Фабричные поселки, поезда,
Заснувшие надолго, без причины.

Ни трав, ни деревенской простоты,
Ни ласковости неба голубиной,
По улице бездомные коты
Неслышно бродят, выгибая спины.

Лежит на крышах угольная ночь,
Тяжелый пар клубится светло-синий,
И встречных нет и некому помочь
В глухой и обездоленной равнине,

Где голуби шарахаются прочь,
Роняя перья в придорожной глине.

На распутьях памяти черной,
Где подтеки грязи и слез,
Меж бессонницей и снотворным
Есть стена в сиянии роз,

Звездный круг в задумчивом небе,
И луга, и звериный лог,
И веселый розовый щебень
На краю весенних дорог...

Я по ним ходила, не веря,
В пустоту несбывшихся снов,
Я стучалась в глухие двери
Одичалых, скупых домов.

Мелкий дождик лужи царапал,
Ныл фонарь. Светилась вода.
И летели, летели на запад
Утомленные провода.

Может быть теперь она другая,
И ее труднее нам понять,
Но над ней весной все те же стаи,
А в полях все та же благодать.

Те же села, долы и деревни,
Их зовут колхозами теперь.
Но степной там веет ветер древний,
Независимо от всех потерь.

Старые уходят, исчезают,
Молодые, как трава растут.
О любви к прадедовскому краю
Юные сердца поют.

Их любовь такая как и наша,
Только мы давно все чуда ждем
И во сне мы видим — степь нам машет
Стрепета волнующим крылом.

Летают белые птицы,
Призрачны и легки,
А мне почему-то снится
Высокий берег Оки.

Но не будут сухие колосья
Лежать на краю земли,
На границе чиновник не спросит:
— Подарочки привезли?

Не увижу во тьме безликой
Старый дом, он пошел на слом.
И не будет пахнуть гвоздикой
И весенним густым дождем!

Н. С. ГОНЧАРОВОЙ

Начало века, переулки, рвы,
Булыжники, которым нет износа,
Извозчичьи тяжелые колеса
Стучат-гремят по улицам Москвы.

Все, все разбить, на все восстать... Пора!
Пускай восходы новым цветом зреют,
И помнят дети русского Борея
Сухие иноземные ветра.

И ты ушла, чтоб жить в чужом краю,
Но родина тобой еще владеет...
Ушла — и с каждым годом молодея,
Ты нам дарила молодость свою.

О, как была прекрасна синева,
Как многолика и непобедима
В твоих лучах... Но мимо, сердце, мимо,
Не надо слез, она еще жива.

Только б жизнь не начать сначала,
Ту, что так нелегко прожита,
Я лечу, меня укачала
Пустота, пустота, пустота.

Где они, что ночью ограбили,
Ухмыляясь, острили ножи?
Отчего мой бедный кораблик
На пустынном просторе кружит?

Это время злое и грозное,
Я забыть его не могу!
Гул толпы, виденье морозное,
Темно-бурый след на снегу.

А теперь безмолвье причала,
Где-то вальсы играют с листа...
Только б жизнь не начать сначала!
Я тону, меня укачала
Пустота, пустота, пустота.

Не ходила бесцельная
Скука вперед-назад,
В круглые, корабельные
Стекла глядел закат.

Вы комнаты этой помните
Солнечный переплет?
Вы видели в этой комнате
Зеркальце и комод?

Занавески кисейные,
Полотенец снега,
Одеяло пикейное
В складках от утюга?

Опять стучали поезда,
Стенали ставни, трубы выли,
Скользила, охая, вода,
Опять часы стенные били

В тоске, в безумье, как в набат,
В паркет веснущатый и рыжий...
Опять кривился циферблат,
Спускались стрелки ниже, ниже.

И вот в стальном гуденье ос,
Часов полночных, перегретый,
Тяжелый, комнатный хаос
Вошел в подобие рассвета.

Куда они, бездомные, спешат
Через преграды и слепые дамбы?
Зачем кипят непрошенные ямбы
На синем острие карандаша?

Забудь о них, подсчитывай слога,
Впадая в стихотворную дремоту,
Где все не ново: степи и снега
И света золотые переплеты.

Еще дрожит послушная свирель
И вышина прохладна и эфирна,
Но в ночь уходит милый дактиль. Мирно
Плетется рядом серенький апрель

И с ними некто с нищею сумой,
В большой, до пят свисающей рубахе...
А, это ты, покойник-амфибрахий, —
Старинный друг, любимый недруг мой!

За взрывами и пожарами
И злобным снегом пурги
Друзьями кажутся старые
Испытанные враги.

Они на могилах каются,
Трусливо, подло близки,
И упоенно сморкаются
В сморщенные платки.

И видят в облаке тления,
В его сухой белизне,
Газетное объявление
О вечном упокоении
По самой сходной цене.

Нелепый дождь и небеса над кручами,
Заброшенная Богом синева,
И все слова, заветные и лучшие,
Одни охолощенные слова, —

Когда по тротуарам и обочинам
Подпиленных каштанов веера,
И мостовой, как громом развороченной,
Зияет треугольная дыра.

Но вот оно, в тумане, солнце раннее,
Его припухший, воспаленный взгляд.
Оно встает над сном, над умиранием,
Над этой жалкой улицей израненной,
Над заревом последних баррикад!

Еще созвездья далеки
И мир еще неодинаков,
Пока есть дети и собаки,
Худые рыжие щенки.

Еще самой себе я лгу
В каком-то призрачном веселье.
И кони синей карусели
Меня качают на бегу.

Гладь прохладнее полотна
Над домами Парижа.
Ты сказал, что скоро весна,
Но я ее не увижу.

Под непрерывный говор людской
Меж городских извилин
Яростно воют «за упокой»
Злые автомобили.

Мне не вырваться в мир звенящий
И былое не уловить —
Я узнала, что гибнут чаще
От смятенья, чем от любви,

От всего, что проходит мимо и
Покрывается вечной мглой,
От того, что неповторимое
Так повторно и тяжело.

Снова ад называя раем,
И не в силах его обновить,
Я на малом огне сгораю
От скуки, не от любви!

Сулил и смерть и холода,
Был воздух трепетно прохладен.
Из глаз ночных, из черных впадин
Скатилась светлая звезда.

Все проглядела, не узнала,
Ждала — и бледный день иссяк,
И мгла крылом затрепетала,
И потерял огни маяк.
Ждала — и не было сигнала.

ЗИМА

Морозный ветер жжет и косит,
И снег срывает с ветряка,
Сугробы алые наносит,
И рвутся вздохи в облака.

Лебяжьей шапкою покрыты
Оледенелые мосты,
Сосульки падают с корыта
Колючим бисером в кусты.

Гудит надрывно у порога,
И где-то слышен волчий вой.
Постель — пуховая дорога,
А лебедь белый — образ твой.

Однообразно и пустынно —
За поворотом поворот.
Случайный парус промелькнет
И спрячется в морских глубинах.

И трубы больше не рычат.
Умолкли ветра подголоски.
Погас фонарь. Иссохли доски.
Навеки заржавел причал.

Я — остров, где волна скулит
В неиссякаемом тумане.
Я островок на океане,
Куда не ходят корабли.

В том трясинном царстве, далеко,
Светлорусая седина
И мальчишеский острый локоть,
Пробивавший пряжу сукна.

Там навстречу солнцу не щурится
Синий взор, вступая в игру.
Огонек вздыхает и курится
На сквозном, осеннем ветру.

Трубы воют в утро суровое,
И растет орудий гроза,
И ползут моторы лиловые
В тот болотный край, где безбровые,
Постаревшие сразу глаза.

Зернышка не осталось
От золотой тоски,
Ночью считает жалость
Битые черепки.

Дико накуролесили
И ушли навсегда
Библиотечной плесенью
Тронутые года.

И теперь этой странной
Долгой ночью без сна
Здесь мигает одна
Роковая луна
Старости безымянной.

Морские ласточки на уровне песка,
Косые чайки в синем бездорожье,
Все это на забытый сон похоже,
Вся эта правда сердцу далека.

Бумажный змей не помнит ни о чем,
Ему б парить в незаходящем свете!
Но вот гурьбой резиновые дети
Спешат за ускользающим мячом

И не доскачут — на потухшей луже
Подпрыгнет мяч, судьба его легка,
И станет солнце северное уже
И снова спрячется за облака.

Тогда без лишних слез прощусь с тобою,
Дождем лучей пронизанная мгла,
Скрывающая небо золотое,
И в перекрестном шопоте прибоя
В последний раз услышу: жизнь прошла...

Лермонтовский парус одинокий
Уплывает в сумрачный закат,
А за ним стремительным потоком
Искры отгоревшие спешат.

И голодный ветер завывает,
Ищет неминуемой беды,
И волна неверная смывает
Узкие змеиные следы.

Жалок мир, где нищета и старость,
Страшен мир, в котором я живу...
И уходит лермонтовский парус
В приоткрывшуюся синеву

Не повторится громкий город южный,
Все отошло в немую ночь без сна
И кажется бездарной и ненужной
Навязанная кем-то новизна.

В последний раз высокие баркасы
По звездам уплывают на покой,
Печальней и пустынней час от часа
Сияет небо в лужице морской.

И тут же — через пыльную разлуку --
Своим незнаньем радостно богат,
Цепляясь за невидимую руку,
Спешит ребенок в медленный закат.

И для него все так светло и ново,
И до конца непобедимо прав
Огромный мир, закрытый и суровый,
Нелепый мир, смешно круглоголовый —
В шуршании запутавшихся трав.

Поднимала на все Монбланы
В голубых колючих огнях,
На безбрежности океана
Убаюкивала меня.

На минуту обогащала,
А потом навек отняла
Говор палуб и шум вокзала
И рассветов колокола...

Притворялась горбатой старушкой
И в мои уходила сны
В пожелтевших обвислых рюшах,
С бледным зонтиком кружевным.

И тогда я вдруг увидала,
Что былого как не бывало,
Только ты — неживая тьма...
И от нищей тоски канареечной,
От неправды твоей копеечной,
Потихоньку схожу с ума.

Под низким небом израненным,
Где сентября нагар,
Похожий на марсианина,
Скачет больной комар.

Тени, тени густые
В занавесок игре.
Осы, как запятые,
На потертом ковре.

Ранней осени тленье,
Ты к нему себя приготовь.
Это сон и освобожденье,
Догоранье, преображенье...
Это скучного всепрощенья
Обезличенная любовь!

Вечерами к морю уходили
И волна вскипала на песке,
И слова откуда-то приплыли
На старинном утлом челноке.

Только профиль, только очертанья,
Незаконченные, как во сне.
Бьют часы последнего свиданья,
Бьют и бьют часы... О, расставанье
При воздушной северной луне.

Опять в этом бледном свете
Моя дорога пуста.
Бесшумно играет ветер
На всех забытых фортах.

И ни единого стука
Оконно-зеркальных льдов,
Но скука, мутная скука
Отстроенных городов,

Где фонари и флаги
И флюгера желтизна,
Безвозрастная стена,
Крыши в осенней влаге...

Где журавлиным шагом
И сегодня ходит война.

По чужим, нелепо мощеным улицам,
Я иду в глубокой летней тоске,
И спина дорожным мешком сутулится,
И дрожит неверный посох в руке.

Столько слов вокруг назойливо гулких,
А в ушах густой колокольный звон.
На меня кидается в переулках
Старина, упрятанная в бетон.

Я иду застенчиво за туристами
В тяжело подкованных сапогах,
И чужие окна, чистые-чистые
На меня глазеют, как на врага.

Зимний день скользнет бесповоротно
В тонкую заоблачную щель —
Снова сумрак серый и бесплотный,
Снег и снег и темная капель.

А былое — мимо, мимо, мимо,
Многозвонный бег его умерь —
Нет страстей и снов неповторимых
И незаживающих потерь,

И шаги знакомые утихли,
И вдогонку ветер не вздохнет
У своих, у наших, у чужих ли
Кованых кладбищенских ворот.

Колеса утомленные хлопочут,
Чтоб радость в тревогу истолочь.
Они — выходящие из ночи,
Они — убегающие в ночь.

Мне холодно в ярости вагона,
Где лампы кровавые лучи,
Где в такт нарочито, монотонно
О стекла бессонница стучит.

А холмики — с узлами погорельцы...
Как страшно. От страха не уйти.
Окно. Разметавшиеся рельсы.
Туманом покрытые пути.

Туман тягучий и едкий,
Чернеют окон кресты.
Смотрю на легкую ветку,
Ее подарила ты.

И чтоб она не увяла
От старости и тоски,
Вишневым заревом алым
Зажгла ее лепестки.

И вот не стало разлуки:
Ты здесь, со мной, как была,
Твои цыганские руки
Легли на мрамор стола.

А в чашке кружат чаинки
С пустого, светлого дна,
Блеснула из-под косынки
Серебряная волна.

И будто в блаженной лени
Табачный день изнемог
(Ни боли, ни сожалений)...
О, русская, на скрещеньи
Европы трудных дорог.

Ходили пенной гурьбою
Воспетые облака
В стране, где все голубое —
Колючий мирт и алоэ
И винограда клюка.

Когда ж затеплились свечи,
Чтоб в вечности отсиять,
В чужой задумчивый вечер
Влетел кузнечик опять.

Он крылышками сухими
Настойчиво шевелит,
Он сердца коснулся ими,
И снова сердце болит.

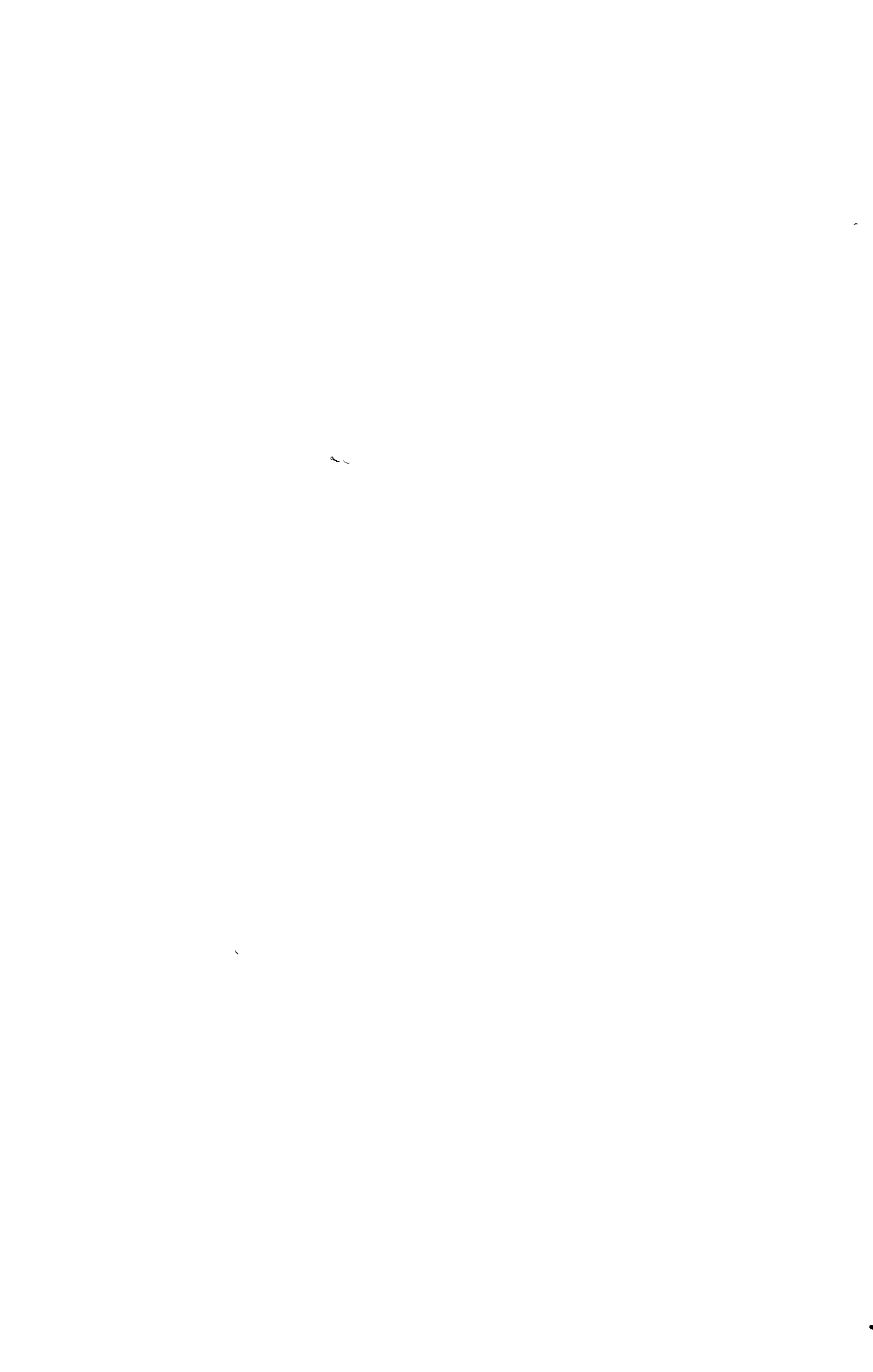
Отвергнутое тобою
Найдет ли оно в лугах
Среди ночного покая
Страну, где мирт и алоэ —
Уже на тех берегах?

Отдаю, отдаю, не споря,
То, что мне дарила она.
Что осталось — капелька горя,
Дни без солнца, ночи без сна,

И земля, что почти не дышит...
Боже, как мне расстаться с ней!
Но опять становится тише
И прохладнее и ясней.

Пусть другой доходит до сути,
Уступаю ему и вот —
Парус мой из синих лоскутьев
В пустоту и вечность плывет.

Содержание

ACHEVE D'IMPRIMER SUR LES PRESSES
DE LA SOCIETE D'IMPRIMERIE PERIODIQUES ET D'EDITION
32, rue de Ménilmontant, PARIS (20e) en JUIN 1973

IMPRIME EN FRANCE
Dépôt légal, 2° trimestre 1973